

Праздничное представление в Наньци продолжалось до самой темноты. На наспех сколоченную, убогую сцену один за другим выходили актёры: то с красными, то с белыми лицами, то кокетливые хуадань, то степенные старики-лаошэны.

Иногда Бянь Хун невольно беспокоился: казалось, что эта шаткая, покачивающаяся сцена вот-вот рухнет под ногами артистов. Но она выдерживала, видно, в каждом деле есть своё мастерство. Для них возвести сцену и сыграть спектакль - это не забава, а хлеб насущный. Вероятно, из-за долгих лет бедствий и неурожаев труппу давно никто не приглашал, и потому сегодня они выкладывались особенно рьяно: одна сцена сменяла другую без передышки, словно они боялись упустить редкую возможность.

Бянь Хун заметил, как воин-актер, сойдя со сцены, едва держался на ногах - его поддерживали и почти несли за старый, выцветший занавес. Вскоре из-за кулис выбежал ученик труппы - мальчишка, у которого была разрисована лишь половина лица под обезьянью маску. Он торопливо подобрал с подмостков несколько кусочков сушёного батата и унёс их назад: видно, артист ждал, чтобы хоть наскоро перекусить, иначе измождённое голодом тело не выдержало бы следующего выхода.

Когда-то, в лучшие времена, зрители выражали одобрение, бросая на сцену серебряные или медные монеты. Но теперь всё изменилось: сегодня настоящим знаком щедрости было швырнуть вверх узелок с сушёным картофелем или бататом - вот кто теперь считался истинным благодетелем.

Когда представление наконец закончилось, вся труппа, и старые, и малые, вновь вышла на сцену, чтобы поклониться и поблагодарить зрителей. По старому обычаю деревенские жители старались чем-нибудь отблагодарить актёров. Народу у Минь Байгуя собралось много, да ещё и Бянь Хун с тремя спутниками, всего набралось с десятков с лишним человек. Он вынес мешок заранее испечённых сухих лепёшек и поставил его прямо на сцену. Глава труппы поспешно принял подношение и, не переставая, кланялся в благодарность. Одного такого вечера хватило бы труппе почти на полмесяца пропитания.

Бянь Хун смотрел на мальчика-ученика с наполовину раскрашенным под обезьяну лицом - того самого, что, казалось, был ровесником Юаньдина. Мальчишка смущённо прятался за спиной актёра-воина, крепко сжимая руку учителя, а в маленьком кармане на груди у него торчали несколько сухих, жёстких ломтиков батата.

На этой земле все простые люди без исключения были вынуждены метаться и трудиться лишь ради того, чтобы выжить.

В тот вечер Бянь Хун всё-таки не ушёл из дома Минь. Минь Байгуй с женой во что бы то ни стало настояли, чтобы гости остались на ночь: разве пристало дяде отпускать племянника с семьёй в горы в темноте, да ещё в первый день Нового года? От такого радушия отказаться было невозможно, и четверо путников остались переночевать. Семья Минь, в свою очередь, постаралась изо всех сил: на стол пошло всё самое лучшее, что берегли даже к самому празднику - жарили, тушили, готовили так, как давно не позволяли себе.

Но не для всех эта шумная суета и тепло человеческого общения были одинаково привычны. Про Юаньдина и Гуаньбао и говорить было нечего: в доме Минь они прожили немало времени, хозяева относились к ним по-доброму. Если бы не история с «замужеством» Бянь Хуна, которого увезли в старом цветастом паланкине, братьям и вовсе не пришлось бы среди ночи тайком убегать в горы на поиски старшего. Да и сам Бянь Хун, хоть с виду он человек сдержанный и отстранённый, а пережитое прошлое делает его не слишком склонным к тесному общению, на самом деле как раз лучше других привык к подобной жизни. В приюте дети сменяли друг друга волнами, и все они росли вот так - шумной, многолюдной семьёй.

А вот Жун Фэн стоял в стороне. Высокий и широкоплечий, он казался особенно громоздким в доме Минь с его низкими потолками. Снимать шляпу он не хотел, и потому, глядя на него со стороны, легко было представить ночного духа, застывшего посреди комнаты. Дети из семьи Минь побаивались к нему подходить. Зато Юаньдин и Гуаньбао буквально облепили его: то шептали что-то на ухо, то раскачивались на его сильной руке, как на качелях, заливаясь звонким смехом, словно два цыплёнка.

Самый младший из детей Минь, видя всё это, не выдержал - уж слишком весело выглядела эта игра. Он подошёл поближе, прикусил палец и робко сказал Юаньдину:

— Брат Юаньдин, я тоже хочу поиграть.

Юаньдин сперва посмотрел на Жун Фэна. Тот кивнул. Тогда Юаньдин подошёл к малышу и подвёл его ближе.

— Сначала назови его старшим братом, — сказал он. — Тогда можно играть.

Малыш встал у ног Жун Фэна и, чтобы разглядеть этого «ночного духа», изо всех сил задрал голову. В его глазах мужчина был похож на исполинскую гору.

Он шмыгнул носом и, запинаясь, выдавил:

— С... старший брат.

Когда Бянь Хун вернулся из кухни, перед ним открылась неожиданная картина: Жун Фэн был буквально облеплен детьми. Обе его руки были заняты - то он подхватывал одного и раскачивал в воздухе, то поднимал другого и описывал с ним круг.

Бянь Хун не видел выражения его лица под шляпой, но, слыша бесконечное щебетание «старший брат, старший брат», невольно чуть приподнял уголки губ. Этот «ночной дух», верно, оказался оборотнем Сунь Укуна: посмотрите-ка, его мартышкины потомки сами его признали и уже облепили с головы до ног.

Жун Фэн и сам не понимал, чему улыбается маленький ланьцзюнь. Улыбка мелькнула лишь на

мгновение, и он снова отвернулся, а Жун Фэн вытянул шею и ещё долго украдкой поглядывал в ту сторону, пока его вновь не вернули к действительности крики «старший брат, старший брат», и ему ничего не оставалось, как снова взмахнуть руками и продолжить играть роль Царя обезьян.

Бянь Хун вообще-то лишь хотел заглянуть в дом и проверить, как там Жун Фэн, не неловко ли ему. Увидев же, что тот вполне ладит с детьми семьи Минь, он больше не стал вмешиваться, вышел из кухни во двор и принялся помогать Минь Байгую колоть дрова.

Колка дров для здешних людей - труд многолетний и изнурительный. Зимой - чтобы согреться, летом - чтобы сварить еду: круглый год, из сезона в сезон, взмах за взмахом. Пень сменяет пень, пот тяжёлыми каплями бьётся о землю, а тот, кто когда-то с неловкостью поднимал топор в юности, незаметно превращается в седого старика.

Солнце восходит и заходит, но рубка не прекращается до самого последнего мгновения жизни. Для крестьянина смерть на тёплой лежанке от болезни - не лучший исход. Куда достойнее пасть на жнивье осеннего поля или во дворе, где колют дрова.

К тому же годы бедствий и голода подорвали здоровье, восполнить утраты быстро было невозможно. В доме дрова кололи и сразу пускали в ход, а теперь, когда принимали гостей, их требовалось ещё больше. Вот почему хозяин накинул одежду и вышел во двор, где с хэканьем с размаху опускал топор. Крупные капли пота стекали по лицу, а чтобы расколоть одно толстое бревно, приходилось ударить не раз. Сыновья ещё не подросли. Дочь попыталась было помочь, но старик, жалея её, мягко, но решительно отправил обратно в дом:

— Ступай, помоги матери с готовкой. Колка дров - мужская работа.

Тут Бянь Хун и вовсе вышел во двор, без лишних слов подошёл к чурбаку, взял у Минь Байгуя топор и, размахнувшись, начал рубить - глухо, тяжело, словно делал это не впервые.

Когда он замахивался топором, сердце у него сжималось, но в тот миг, когда лезвие врубалось в дерево, разница между древесиной и мягким человеческим телом ощущалась столь резко, что он мог наконец немного расслабиться и сказать себе: это дерево, а не человеческая голова.

Выйдя во двор, они увидели, что Бянь Хун уже всю колет дрова, и тут же бросились его останавливать.

— Ай-ай, разве можно на праздник заставлять гостя дрова колоть? Быстро брось!

Услышав это, выбежала и жена Минь Байгуя - она удерживала ещё настойчивее:

— Пусть лучше твой дядюшка колет. Ты надорвёшь живот, потом и детей не выносишь, беда будет!

От этих слов Бянь Хун едва не дёрнулся всем телом. Он прожил больше десяти лет мужчиной, а в этом мире - уже целых восемь лет, но так и не привык к статусу «ланьцзюня». Впрочем, и привыкать было незачем, это было лишь пустое название, и он сам это прекрасно знал.

Минь Байгуй потянулся было забрать топор, но его остановила большая ладонь. Крепкий, увесистый топор в этой руке вдруг показался почти маленьким. Бянь Хун поднял голову, взглянул и отпустил.

— Тогда... наколем ещё немного.

Жун Фэн молча кивнул.

Затем он легко взмахнул рукой, раскрутил топор и бревно толщиной с талию взрослого человека расколосось надвое до самого основания. Поленья, подхваченные инерцией, разлетелись далеко в стороны. Минь Байгуй застыл на месте, стоя во дворе на снегу. Он невольно втянул шею, словно топор ударил не по дереву, а по его собственной голове.

Подходить ближе он уже не осмелился, только сложил руки и поспешно повторил:

— Благодарствую, благодарствую...

После этого Бянь Хун увёл его в дом, но Минь Байгуй всё равно то и дело украдкой поглядывал наружу.

Дров у семьи Минь было немало, но в основном это были целые, длинные брёвна, привезённые без распила. Делать было нечего, Жун Фэн решил расколоть всё сразу и ещё долго гулко работал топором. Спустя время Бянь Хун вышел во двор, подал ему чашку воды и, пока мужчина пил, протянул руку и снял с его головы бамбуковую шляпу.

Жун Фэн чуть отстранился и заколебался, но Бянь Хун спокойно взглянул на него.

— Не жарко?

Жарко-то было, просто он опасался лишних взглядов.

Бянь Хун всё же снял с него шляпу и сказал негромко:

— Да что тут скрывать, ничего зазорного. Ты и правда хорошо выглядишь. Пусть люди понемногу привыкают.

Кто же способен прожить всю жизнь, прячась под соломенной шляпой?

Мужчина, услышав эти слова, на миг опешил. Рука, сжимавшая топор, невольно ослабла, и он остался стоять, держа пустую чашку, опустив взгляд на юного ланьцзюня, державшего его шляпу.

У висков Жун Фэна блестели капли пота. Стоило подуть ветру, и от него потянуло тем же травяным ароматом мыльных орехов, что и от Бянь Хуна, но более густым, насыщенным, с первобытной мужской нотой. Запахи смешались, образовав новый, сложный и глубокий оттенок.

После короткой паузы мужчина негромко, словно проверяя, спросил:

— Хорошо выгляжу?

Бянь Хун оказался словно под тенью его фигуры. Стоило ему поднять голову, и он встретился взглядом с той самой парой разноцветных глаз - каре-синих. В мягком предвечернем свете они казались ещё более таинственными: ясные, чистые и в то же время глубокие и тяжёлые. Невозможно было не признать - это действительно были очень красивые глаза.

И Бянь Хун кивнул.

Мужчина тихо улыбнулся. Прищуренные глаза изогнулись, как серпы молодой луны. Он вернул пустую чашку в руки Бянь Хуна, затем отвернулся и снял не только шарф, но и верхнюю одежду. Оставшись лишь в нательной рубаше, которую Бянь Хун когда-то заставил его носить, он словно дышал жаром. Широко размахнувшись, мужчина вновь принялся колоть дрова.

Тонкий пот проступал на коже, лёгкая нательная рубаша прилипла к крепкому телу, ещё отчётливее подчёркивая упругие мышцы и мощное, мужественное сложение.

Жена Минь Байгуя даже перестала готовить. Вместе с мужем она остановилась у дверей кухни и, вытаращив глаза, уставилась на происходящее. Прикрывая рот ладонью, она несколько раз восторженно протянула:

— О-о...

Минь Байгуй обернулся:

— Ты чего «о-о»? Что, курица, закукарекать собралась?

Жена скрестила руки на груди и фыркнула:

— Ты ничего не понимаешь. Смотри, как удачно Минь Си замуж вышел - вот это мужчина! У

Ли-санлана все его расчёты зря были, не его это счастье, не по их дому.

Минь Байгуй посмотрел на аккуратную поленницу, которая росла буквально на глазах, и кивнул. И правда, раньше он думал, что этот человек нелюдимый, грубый, что руку поднимает без раздумий. А теперь видно: характер у него неплохой, к Минь Си он относится хорошо. Такой человек для жизни, для семьи.

— И вправду, вышло как вышло, — пробормотал он. — Минь Си немало настрадался, ведь вместо моего двоюродного брата в армию ушёл. Теперь уж ему по праву и хороший муж достался.

Подумав ещё немного, Минь Байгуй всё-таки позвал Бянь Хуна. Они сели на кухне: перебирали просо, выбирая зёрна с мелкими червячками, и между делом разговаривали.

— Дядя, — спросил Бянь Хун, — ты раньше говорил про ту шайку солдат-разбойников. Как теперь обстоят дела? С виду все живут спокойно, как прежде.

...и даже в деревне осмелились устроить общественное представление, значит, солдат-разбойников и впрямь истребили, раз уж решились на такое.

— Так ведь мы же победили, — с воодушевлением продолжал Минь Байгуй. — Видно, и у военных руки дошли заняться этими беглецами. Говорят, в уездном городе уже объявления развесили - у той шайки наверняка душа в пятки ушла! Поймают, так прямо на рынке и голову с плеч.

Он говорил разгорячённо, с блеском в глазах, словно сам был готов броситься ловить солдат-разбойников, а не так давно ещё метёлкой заметал следы у ворот, боясь лишний раз показаться на глаза.

Но чем дальше он говорил, тем больше разговор съезжал в сторону, и в конце концов он выпалил:

— И хорошо, хорошо! Жизнь наконец-то спокойная стала, можно и о детях подумать. Прокормить-то теперь сумеете. Как ни крути, а в каждой семье род должен продолжаться.

Рука Бянь Хуна на мгновение замерла. Он посмотрел во двор - там мужчина уже заканчивал колоть дрова, аккуратно уложив целую стену поленьев.

— Я не могу родить.

Минь Байгуй изумлённо выдохнул:

— А?

Если бы речь шла о племяннице, он бы не стал так прямо спрашивать, но ведь речь о ланьцзюне - всё-таки мужчина, тут меньше табу. Да и разве бывает, чтобы ланьцзюнь не мог рожать?

— Не можешь? Так... так это он... он что, не может?

Фраза вышла сбивчивой. Минь Байгуй снова покосился во двор: тот парень - весь кровь да сила, руки каменные, топор летает. Совсем не похоже, что он «не может».□□

Бянь Хун как раз собирался отделаться шуткой, но в этот момент из двора вернулся Жун Фэн. Он вытер пот, надел одежду и вошёл в дом. На этот раз он уже не надел доули, и его синий глаз был особенно заметен. Минь Байгуй сначала вздрогнул, увидев тот самый «призрачный глаз» из слухов, но, придя в себя, внимательно посмотрел на Жун Фэна и невольно подумал: а ведь парень-то и вправду пригожий.

После ужина, улёгшись на тёплый кан, Минь Байгуй всё никак не мог успокоиться. Ворочался под одеялом, снова и снова возвращаясь мыслями к племяннику - переживал за него по-настоящему.

Ну так как же там... может он или нет?

На следующее утро, перед отъездом, кроме солений и сладостей, Бянь Хун увидел, как его дядя украдкой вытащил из погреба маленький кувшин вина и с величайшей осторожностью сунул ему в руки.

— Хорошая настойка, — шёпотом сказал он. — У меня такая одна-единственная осталась. Я уже старый, пить не к чему, а ты дай ему попробовать. Пусть попьёт.

Бянь Хун решил, что это что-то вроде домашнего жёлтого вина - здесь его любили и часто делали сами, и потому не стал отказываться. Лишь когда они отошли уже довольно далеко, дядя всё ещё кричал им вслед...

— Не забудьте выпить!

Жун Фэн обернулся и взглянул на юного ланьцзюня, который уже помахал рукой и повернулся спиной.

— Что выпить?

— Да ничего особенного, рисовое вино.□

<http://bllate.org/book/13502/1316556>